

## ОБРАЗ ЛЕСА В МЕТАФОРИЧЕСКИХ МОДЕЛЯХ АВТОРСКОЙ КАРТИНЫ МИРА ВЛАДИМИРА ВОЛКОВЦА

Е.П. Каргаполов, Т.В. Федосова, М.И. Абдыжапарова

**Ключевые слова:** образ, метафорические модели, авторская картина мира

**Keywords:** image, metaphoric model, author's worldview

DOI: [https://doi.org/10.14258/filichel\(2025\)1-02](https://doi.org/10.14258/filichel(2025)1-02)

### Введение

Метафорические модели все чаще становятся объектом изучения когнитивных наук, поскольку они лежат в основе мыслительной деятельности индивида, представляя собой основные когнитивные операции. Идея метафорической модели как одной из разновидностей когнитивной модели была выдвинута Дж. Лакоффом и М. Джонсоном. Метафорические модели представляют собой определенные схемы, связывающие различные понятийные сферы. Ключевые мыслительные процессы построены на некоем гештальте (схема-образ), включающем главным образом репрезентацию базовых концептов и их ассоциативных связей, формирующем картину мира человека [Арутюнова, 1990; Баранов, Карапулов, 1991; Демьянков, 1994; Чудинов, 2003; Лакофф, 2004]. Поскольку концепт метафорически структурирован, метафора, как видение одного объекта через другой, является инструментом познания, выраженного в языковой форме при помощи определенного образного сравнения. Дж. Лакофф отмечает: "...the essence of metaphor is understanding and experiencing one kind of thing in terms of another" [Lakoff, 1980, p. 5].

Когнитивисты понимают язык как код, некую «форму наследственной традиции познания». По их мнению, язык хранит в себе специфическое восприятие мира [Дубинец, Павлюк, 2024, с. 67]. А.П. Чудинов в монографии «Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации» дает следующее определение метафорической модели: «Метафорическая модель — это существующая и/или складывающаяся в сознании носителя языка схема связи между понятийными сферами, которую можно представить определенной формулой» [Чудинов, 2003, с. 70]. Следовательно, анализируя актуализацию значимых концептов и их метафоризацию в тексте, можно получить представление об ав-

торской картине мира и выявить глубинные смыслы творчества автора. Путем декодирования метафор возможно получить информацию о том, как автор оценивает события и явления, то есть проанализировать оценочную функцию определенной поэтической метафоры [Абдыжапарова, Федосова, Сомикова, 2024, с. 172].

### **Методы и материалы исследования**

Поэтический текст характеризуется богатой образностью, поэтому анализ метафорической образности является ключом к пониманию авторского мировидения и глубинных смыслов, заложенных им в тексте. Более того, рассматривая поэтический текст, авторы идут в ногу с современными тенденциями, так как вместе с тем рассматривают язык и как культурный код нации, как средство сохранения культурной памяти [Сироткина, 2023, с. 182].

Исследователи выделяют следующие ключевые модели репрезентации метафорических образов: оппозиционная, кольцевая, ступенчатая, концентрическая, пересекающаяся и модель последовательной аналогии.

Оппозиционная модель репрезентации метафорических образов подразумевает противопоставление двух объектов или двух аспектов через метафорические образы одного объекта. Модель последовательной аналогии является антиподом оппозиционной модели, ее использование связано с отождествлением через метафорические образы двух или более объектов поэтической речи. Концентрическая модель репрезентации метафорических образов, заключающаяся в сужении объекта метафоризации, служит определителем лирического субъекта как основного действующего лица произведения.

Движение от личного опыта к философским обобщениям выражено путем использования ступенчатой модели в двух поэтических микросистемах цикла. В кольцевой модели репрезентации метафорических образов ключевую роль играют взаимосвязанные между собой начальный и конечный образы. Они содержат основную мысль текста, определяют его тему. Пересекающаяся модель репрезентации метафорических образов отождествляет два или более объекта поэтической речи, однако, в отличие от модели последовательной аналогии, в пересекающейся модели лишь единичные образы связывают метафорически выраженные в микросистеме объекты [Плотников, 2016, с. 172].

В данной работе проводится анализ метафорических моделей, функционирующих в поэтических текстах современного российского поэта Владимира Волковца, репрезентирующие образ «лес». Концепт ЛЕС исследовался лингвистами на материалах разных языков — английско-

го, якутского, удмуртского, русского, немецкого и в разных типах дискурса [Демешкина, Толстова, 2020, с. 60]. Данное исследование направлено на изучение образности поэтического дискурса Владимира Волковца, посвященного лесу, а также на исследование языковой репрезентации этого концепта на уровне микроструктуры следующих стихотворений: «Бескровное дерево вскрикнет...», «Ещё», «Снег, темнея, таял с хлюпом...», «Бобыль»<sup>1</sup>. Каждое стихотворение проанализировано с точки зрения концептуального содержания, определены метафорические модели, лежащие в основе концепта и репрезентирующие языковую картину мира автора.

### Результаты исследования

Стихотворение «Бескровное дерево вскрикнет...» посвящено его величеству лесу. Поэт говорит о Лесе с большой буквы, одушевляя его и облекая в образ человека, который существует между огнем и природой: «Обломки к огню перетащим — / От мертвой погоды знобит» (Владимир Волковец. Одно-единственное. 2005). При мертвой погоде, казалось бы, все должно пребывать в тишине, где нет никаких звуков, где нет жизни, только пустота и чернота. От такой погоды лирического героя охватывает озноб, поэтому он ближе к костру приносит ветви сухих деревьев.

Однако во мраке просматривается прореха и стоит кто-то белесый: «...некто сквозяще белесый / На рваном ветру трепетал — / То вскидывался до созвездий, / То к самой земле припадал» (Бескровное дерево вскрикнет... 2005). Лирический герой всматривается в эту стоящую прореху до тех пор, пока веки не сомкнулись и его сознание не погрузилось в сон:

Бескровное дерево вскрикнет,  
Качнется — не сдвинуть стопу —  
К соседнему пьяно приникнет  
И ляжет длиною в судьбу.

Обломки к огню перетащим —  
От мертвай погоды знобит.  
Нет-нет да глаза потирающим  
Туда, где прореха стоит.

<sup>1</sup> Здесь и далее ссылки на стихотворения даны по изданиям: Волковец В. Одно-единственное... Советский: Советская типография, 2005. 133 с.; Волковец В. Весенний день осени: сб. стих. Тюмень ; Ханты-Мансийск: КоллСо, 2008. 328 с.; Волковец В. Река моя, память-транзит... Советский: Советская типография, 2012. 139 с.

Там некто сквозяще белесый  
 На рваном ветру трепетал —  
 То вскидывался до созвездий,  
 То к самой земле припадал.

Накрыло густым снегопадом,  
 И веки сомкнулись на миг...  
 Наутро проснулись, а рядом  
 Сидит седовласый старик.

И сыплет в огонь незабвенный  
 То шишки, то хвойную взвесь.  
 — Откуда и кто ты, почтенный?  
 Он стал подниматься: я — Лес...

(Владимир Волковец. Бескровное дерево вскрикнет... 2005. С. 16)

В стихотворении прослеживается дихотомия «мертвой погоды» (где все замерло и где находится лирический герой) и трепета на рваном ветру кого-то неизвестного; бодрствование в условиях ознона от «мертвой погоды» и сна в условиях буйства природы (снегопада). Поэт пытается показать путь из мертвящей тишины и покоя к буйству природы и к жизни, ведь в условиях «мертвой погоды» и костер не согревает. Он думает, что согреет его буйство природы, к которой он тянется своим сознанием, пока не засыпает. Все попытки вырваться из «мертвой погоды» для лирического героя оканчиваются безрезультатно. Лес в данном произведении представлен в виде старика, который то пытается достичь неба, то падает на землю, возможно, кланяясь ей. Автор указывает на близость леса с небом и с землей, поскольку лес растет благодаря солнцу и земле.

Во время сна лес приходит к человеку в виде седовласого старика, сыплет в костер то шишки, то хвойные ветви и согревает его. «Наутро проснулись, а рядом / Сидит седовласый старик» (Там же). Кто такой, откуда? — задает вопрос лирический герой. Странный вопрос для того, кто находится внутри природы, внутри леса. «Седовласый старик» и есть лес, который видит лирического героя в прореху. Герой при этом находится во власти «мертвой погоды». Именно лес пришел на помощь человеку, согрел его, не дал замерзнуть. В данном контексте реализуются метафорические модели ЛЕС — ЭТО СПАСИТЕЛЬ, ЛЕС — ЭТО СЕДОВЛАСЫЙ СТАРИК, ЛЕС — ЭТО ЧЕЛОВЕК и актуализируется концентрическая модель репрезентации метафорических образов, в которой объект более точно определен в конце, где он как бы сужается, появив-

ляется лес в виде старика, а все, что происходило на протяжении стихотворения, постепенно раскрывает то, что автор подразумевает под лесом.

Для того чтобы человеку выжить, нужно раствориться в лесе, принять его, впустить в себя, быть в гармонии с ним. Однако человек был не в состоянии вырваться из «мертвой погоды», она его не выпускала из своих объятий. Почему на помощь человеку пришел «седовласый старик» по имени Лес? На этот вопрос поэт не отвечает. Видимо, причина в том, что не только человек, войдя в лес, сливается с ним, но и лес, зная свою роль в этом мире, защищает человека от смерти.

Стихотворение «Ещё» раскрывает и дополняет представления автора (Владимир Волковец. Весенний день осени. 2008). Поэт много рассуждает о судьбе леса и отдельных деревьев.

Судьба — это слово, связанное с судом. В словаре В. Даля судьба — это «суд, судилище, судбище и расправа» [Даль, 1998, с. 356]. Судьба — это то, чему суждено сбыться или быть. Судьба — это «участь, жребий, доля, рок, часть, счастье, предопределение, неминуемое в быту земном». Это есть согласование судьбы со свободой человека, которое недоступно уму. То есть судьба есть для человека то, чего невозможно избежать.

Поэт пишет: «*И в лес зовущая судьба / Всего лишь навсегда тропа*» (2008, с. 145). Тропа есть путь человека в природу; она зовет его в лес, и вставший на нее человек уже не может свернуть с нее. Человек неизбежно туда пойдет, но он не может идти сразу по нескольким тропинкам. Он неизбежно пойдет только по одной тропе, на которую позвала его судьба и которая ведет в лес, в природу, в космос. Лес — это всего лишь частичка бескрайней Природы, Космоса. Шагнув в лес, человек уже выбрал путь в вечность, в бескрайние пространства Вселенной.

*Ещё бобы набиты ватой,  
Ещё с оглядкой вороватой  
Туманы пятятся к реке.  
И след подушки на щеке.  
Ещё наполовину с пухом  
Они и пополам с испугом  
Восторг —  
предвестье перемен.  
И сам не ведаю, как нем.  
Ещё горит в глазах веселых,  
Заместо солнышка, подсолнух  
И в ячейх его пока  
Не семя — капли молока.*

*Ещё роса студеней градин.  
Ещё самим собой не найден.  
И в лес зовущая судьба  
Всего лишь навсегда тропа.  
Ещё хотят деревья сами  
Моими зеленеть глазами,  
А слово, на ноги упав,  
Рассосано корнями трав.  
И нету боли без причины.  
И от былинки до былины  
Тысячелетний путь лежит.  
И он ещё не пережит.  
А день сияет пересвистом,  
Неясным, но понятным смыслом.  
И, не обдумав, сделать шаг.  
И ветер засвистел в ушах.*

(Владимир Волковец. Весенний день осени. 2008. С. 145)

В лесу человек соединяется с природой: «*Ещё хотят деревья сами /  
Моими зеленеть глазами, / А слово, на ноги упав / Рассосано корнями трав*». Глаза — это окна во внешний мир, то есть мир, находящийся вне человека. Деревья сами хотят «зеленеть глазами» человека, то есть познавать внешний мир. Как отмечают исследователи, метафора, будучи основанной на сходстве понятий, является достаточно субъективной, так как создается на основе сравнения объектов, которые не имеют ничего общего на первый взгляд [Мурясов, Бакиев, 2024, с. 151]. Авторские ассоциации являются стимулом для создания подобных метафор, которые в данном контексте их порождают. Как считает сам Волковец, деревья хотят глазами разума посмотреть на внешний мир, в том числе и на человека, живущего относительно них во внешнем мире. Слова же человека, изреченные в природе, рассасываются «корнями трав». Ничто никуда не исчезает, все переходит во что-то, чем-то становится. В слиянии с природой человек обретает гармонию, а следовательно, и покой для своей души, ума и сердца.

В данном контексте актуализируется модель ЛЕС — ЭТО СУДЬБА ЧЕЛОВЕКА. Он неизбежно к нему придет для того, чтобы получить новые эмоции, силы для жизни. Еще одна модель, встречающаяся в этом стихотворении, — ДЕРЕВО — ЭТО ЧЕЛОВЕК. Автор указывает на то, что природа сама стремится к человеку через цветы, кусты и деревья. Стремление человека к природе и природы к человеку взаимно. Также можно обоз-

значить метафорическую модель ЛЕС — ЭТО ГУБКА. По мнению автора, человек может оставить в лесу свои негативные эмоции, слова. Они растворятся в нем, и он забудет о плохих событиях, эмоциях, обновится.

Между человеком, его культурой и природой существуют невидимые связи. Человек и природа всегда обмениваются энергией и информацией, результат этого обмена запечатлен в истории развития культуры, «тысячелетнем пути». Поэт пишет: *«И нету боли без причины. / И от былинки до былины / Тысячелетний путь лежит. / И он ещё не пережит»* (Владимир Волковец. Река моя, память-транзит. 2012. С. 33). От былинки (Природы) до былины (культуры) тысячелетний путь; это путь традиционной культуры, связывающей невидимыми нитями человека, культуру и природу. Этот путь еще для человека не закончен, и неизвестно, когда это произойдет. Поэт верит, что тропа, перерастая в путь, есть историческая судьба человека, судьба русской культуры и России: *«А день сияет пересвистом, / Неясным, но понятным смыслом. / И, не обдумав, сделать шаг»*. То есть поэт, рассуждая о том, что «тысячелетний путь» русской культуры не закончен, зовет русский народ сделать шаг, не обдумывая его в деталях, так как этот «тысячелетний путь» уже показал истинные цели, миссию русского народа.

Русская душа жаждет перемен, от которых ее охватывает эмоциональный подъем. *«Восторг — / предвестье перемен. / И сам не ведаю, как нем»* (Там же, с. 33). Лирический герой не знает, какими будут перемены, но пройденный путь подсказывает интуиции, что перемены будут такие сильные, что душа будет задыхаться от восторга. Данное философское обобщение говорит о том, что автор использует ступенчатую модель презентации метафорических образов, в которой происходит движение от личного опыта к определенным выводам и размышлению.

Весна, новые звуки, запахи и краски леса тянут к себе людей, связанных с ним своей жизнью и судьбой. В стихотворении «Снег, темнея, таял с хлюпом...» (Владимир Волковец. Река моя, память-транзит. 2012) автор говорит о связи человека с лесом. Весна подталкивает людей к мысли общения с природой на природе. *«Не сговариваясь, с внуком / Завернули в мокрый лес»*, — пишет В. Волковец. Внук заразился той же тягой к лесу, что и дед. Ему все интересно в лесу: и *«рассеянная просинь»*, и *«сничный переклик»*:

*Снег, темнея, таял с хлюпом.  
А когда совсем исчез,  
Не сговариваясь, с внуком  
Завернули в мокрый лес,*

*Где рассеянная просинь  
И синичий переклик,  
Где среди берез и сосен  
Кедр — единственный мужик.  
Где холодный запах снега  
Вспоминается с трудом,  
Где не выпрямился с лета  
Мох, примятый сапогом... (с. 33).*

В стихотворении «Снег, темнея, таял с хлюпом...» автор пытается сказать о необходимости соблюдения преемственности человеческих поколений в их отношении к лесу. Тот факт, что дед, а не отец, ведет внука в лес, очень символичен. Дед, ведя внука в лес, показывает ему путь жизни в согласии с природой.

Путь к природе всегда извилист: «...с внуком / Завернули в мокрый лес», имея в виду, что путь в лес, к природе никогда не бывает прямым, к нему нужно поворачивать. Человеческая цивилизация все дальше и дальше отдаляется от своих природных корней. Городские удобства загораживают путь людей в лес. Вырубаются леса, сушатся болота, уничтожаются звери и птицы. Поэтому, по мнению поэта, надо «завернуть в мокрый лес» с тем, чтобы ощутить первоначальность, чтобы наметить путь будущей жизни, показать внуку, как надо общаться с природой. Актуализируемая в данном стихотворении модель ДЕРЕВО — ЭТО МУЖЧИНА указывает на то, что природа очеловечивается поэтом, стоит на одном уровне с ним. Актуализируемая модель презентации метафорических образов — это кольцевая модель. Снег, который тает, в начале произведения и помятый мох — в конце указывают на то, что автор описывает весну.

Стихотворение «Бобыль» (Владимир Волковец. Одно-единственное. 2005) имеет две сюжетные линии: одна связана с тем, что лирический герой, впавший в уныние от состояния одиночества, «самому себе чужой», перед миром растерялся, впустил в себя зло; вторая связана с возрождением в душе, уме и сердце естественного, природного, связывающего человека с вечностью, с Космосом. Развитие этих двух противоположных по направленности сюжетных линий идет непросто, с остановками и отступлениями. Проанализируем каждую из них.

Потеря связи с природой, дающей энергию и силу для души, ума и сердца, привело к тому, что герой не просто стал чужим самому себе, но и «Перед миром растерялся — / Ничего нет за душой». Протагонист

засомневался, правильно ли он раньше поступал, правильно ли избрал путь жизни и творчества, верной ли дорогой идет сейчас. Лирический герой начинает ощущать, что за душой у него ничего нет. Вот куда завела его дорога отчуждения от природы, недовольство своим прошлым, то есть историей своей культуры, государства и народа.

Самое страшное в жизни человека возникает тогда, когда он, нуждаясь в поддержке, остается в одиночестве. Тогда он ощущает себя «самому себе чужим». Такого рода отчуждение от самого себя происходит, когда человек теряет свои корни; когда сердце, душа и ум разрываются и живут сами по себе; когда время и пространство жизни и творчества расходятся; когда сознательное и бессознательное перестают питать друг друга. Это время внутренних разрывов, конфликтов, отчуждений. Личность находится в смятении, а душа, ум и сердце впускают в себя зло, ложь, нежестество, ненависть, где ведут свою разрушительную работу:

*А когда один остался,  
Самому себе чужой,  
Перед миром растерялся —  
Ничего нет за душой.  
Рассосалась злая память,  
Недовольство серых лет,  
Мхом оброс тяжелый камень —  
Средоточье давних бед.  
Ликом вылинял в погоду,  
Сердце выстудил насквозь.  
И уходит, будто в воду,  
В душу брошенная злость.  
Равнодушье и смиренье  
Заселили молью кров.  
Расцвело в тебе растенье  
Без колючек и шипов.  
Беззащитна оболочка.  
Непогода рвется в дверь.  
Нагляделся на цветочки,  
Глянь на ягодки теперь.  
Заполняет жизнь лесная  
Огород и двор пустой.  
Кружит ворон, задевая  
Дым холодный над трубой. (с. 41).*

Автор в этом произведении описывает необычное душевное состояние главного героя (бобыля), когда «рассасывается злая память», приходит «недовольство серых лет», «сердце выстуживается насеквоздь». Злая память вспоминает только те факты, события, сюжеты, которые разъединяют, отчуждают и отталкивают других людей. За этими негативными событиями всегда стоят дурные поступки, «плохие» дела, глупые и острые слова. Именно они обижают, злят, даже вызывают ярость людей, с кем поддерживал отношения лирический герой. Все это зло уходит. «И уходит, будто в воду, / В душу брошенная злость» (с. 41). В результате в душе остается пустота, сердце остывает, а разум теряет способность работать на примирение. Протагонист становится равнодушным и смиренным перед злом.

В разуме и сердце одновременно происходят и другие процессы, связанные с цветением, обретением лесных запахов, цветов, звуков и вкусов. В душе лирического героя идет непримиримая борьба. В этот период она беззащитна от ударов извне: «Беззащитна оболочка. / Непогода рвется в дверь». Волковец вскрывает процессы, происходящие в психике человека, анализируя периоды борения души, сомнений, и одновременно показывает зарождение ростков новой жизни. Эти ростки жизни появляются на фоне возникновения символов зла: ворон, дым холодный.

В сознание человека рвется жизнь лесная, которая в конечном итоге заполняет психику человека: «Заполняет жизнь лесная / Огород и двор пустой. / Кружит ворон, задевая / Дым холодный над трубой» (Там же). Для того чтобы приобрести гармонию с природой, лес должен войти в сознание человека, заполнить все его уголки. Человеку необходимо впустить Лес в себя, осознать его место в своей жизни, отделить от себя нечистую силу, которая обитает в лесу и которая препятствует ему жить и творить вечное. Сила природы (Космоса) абсолютна; жизнь лесная в конечном итоге входит во двор (не в дом, а во двор и в огород). Жизнь лесная рядом с домом, но не внутри дома. Лес воспринимается автором как некий источник его существования, и в данном контексте мы наблюдаем метафору ЛЕС — ЭТО ИСТОЧНИК ЖИЗНИ.

Дом — начало всех путей и дорог в жизнь, жизненный перекресток. И. Морозов отмечает: «В космогонии Дом — это артикулированная в осязаемых материалах мысль по поводу самоустройства человека; это его мирозданческий центр, откуда проникает в округу Познающий и Горячий человек» [Морозов, 2001, с. 217]. Значит, лирический герой до конца еще не осознает роль природы в своей жизни. Однако он на верном пути. И пока он до конца не впустил в себя природу, черный ворон будет кружить над его домом, а из дома будет идти «дым холод-

ный». Стихотворение «Бобиль» говорит о трудностях освобождения опустошённой души человека от зла, а также о том, что только «жизнь лесная», олицетворяющая силы добра, в состоянии вырвать мечущуюся и сомневающуюся душу от сил зла.

### **Заключение**

Проанализировав материал, можно прийти к выводу о том, что в метафорических моделях, представляющих концепт ЛЕС, он репрезентируется как помощник (ЛЕС — ЭТО СПАСИТЕЛЬ), носитель сакральных знаний (ЛЕС — ЭТО СЕДОВЛАСЫЙ СТАРИК) и как некий целитель эмоциональных состояний человека (ЛЕС — ЭТО ГУБКА, ЛЕС — ЭТО СУДЬБА, ЛЕС — ЭТО ИСТОЧНИК ЖИЗНИ). В исследованном цикле стихотворений о лесе моделями репрезентации метафорических образов выступают следующие: концентрическая, кольцевая и ступенчатая модели. Образ леса в произведениях В. Волковца эмоционально окрашен и персонифицирован. Человек в полной мере не может существовать без леса, без природы, являясь неотъемлемой ее частью. В авторской картине мира поэта лес носит мифический характер, на что указывают следующие метафорические модели: ЛЕС — ЭТО СЕДОВЛАСЫЙ СТАРИК, ЛЕС — ЭТО СПАСИТЕЛЬ, ЛЕС — ЭТО ЧЕЛОВЕК. Не только лес в целом, но и все, что его составляет, также олицетворяется, что находит отражение в модели: ДЕРЕВО — ЭТО МУЖЧИНА. Образ леса вербализуется лексическими единицами, входящими в следующие лексико-семантические группы: «животные», «растения», «ягоды», «огонь», «ветер», «тропа», «снег», «грибы», «рыбы», «деревья».

### **Библиографический список**

Абдыжапарова М. И., Федосова Т. В., Сомикова Т. Ю. Актуализация оценочных смыслов в антропоморфной и артефактной метафорах поэтических текстов Владимира Андреева // Филология и человек. 2024. № 2. С. 170–178. [https://doi.org/10.14258/filichel\(2024\)2-12](https://doi.org/10.14258/filichel(2024)2-12)

Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры: сб / пер. с анг., фр., нем., иен.,польск.яз.; общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журинской. М.: Прогресс, 1990. С. 5–32.

Баранов А. Н., Караполов Ю. Н. Русская политическая метафора: материалы к словарю. М.: Институт русского языка, 1991. 193 с.

Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. М: Прогресс, 1998. 3600 с. Т. 4.

Демешкина Т.А., Толстова М.А. Репрезентация концепта АЕС (на материале диалектной речи) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. № 65. <https://doi.org/10.17223/19986645/65/4>

Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкоznания. 1994. № 4. С. 17–33.

Дубинец З.А., Павлюк Т.П. Особенности вербализации концепта ОГОНЬ в художественном дискурсе первой трети XX века // Филология и человек. 2024. № 4. С. 67–82. [https://doi.org/10.14258/filichel\(2024\) 4–05](https://doi.org/10.14258/filichel(2024) 4–05)

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиориал УРСС, 2004. 256 с.

Морозов И. В. Основы культурологии. Архетипы культуры. Минск: Тетра Системс, 2001. 607 с.

Мурясов Р.З., Бакиев А.Г. Метафорическая интерпретация концепта архетипа Darkness (тьма) в художественном дискурсе Т. Пратчетта // Филология и человек. 2024. № 4. С. 150–157. [https://doi.org/10.14258/filichel\(2024\)4–12](https://doi.org/10.14258/filichel(2024)4–12)

Плотников И. В. Сравнительный анализ когнитивных метафор в переводах английских стихов И. Бродского на русский язык // Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2016. № 3. С. 160–167.

Сироткина Т.А. Человек в языке и культуре (по итогам работы I Международной конференции «Язык культуры и культура языка») // Филология и человек. 2023. № 2. С. 182–189. [https://doi.org/10.14258/filichel\(2023\) 2–15](https://doi.org/10.14258/filichel(2023) 2–15)

Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т., 2003. 248 с.

Lakoff G., Johnson, M. *Metaphors We Live by*. Chicago: University of Chicago Press, 1980. 128 р.

### Источники

Волковец В. Одно-единственное... Советский: Советская типография, 2005. 133 с.

Волковец В. Весенний день осени: сб. стих. Тюмень; Ханты-Мансийск: КоЛеСо, 2008. 328 с.

Волковец В. Река моя, память-транзит... Советский: Советская типография, 2012. 139 с.

### References

Abdyzhabarova M. I., Fedosova T. V., Somikova T. Yu. Actualization of Evaluative Meanings in Anthropomorphic and Artifactual Metaphors of the Vladimir Andreev's Poetic Texts. *Filologija i chelovek = Philology & Human*, 2024, no. 2. [https://doi.org/10.14258/filichel\(2024\) 2–12](https://doi.org/10.14258/filichel(2024) 2–12) (In Russian)

- Arutjunova N. D. Metaphor and Discourse. *Teorija metafory* = Theory of Metaphor, Moscow, 1990, pp. 5–32. (In Russian)
- Baranov A. N., Karaulov Ju. N. Russian Political Metaphor. *Materialy k slovarju* = Materials for the Dictionary, Moscow, 1991, 193 p. (In Russian)
- Dal V. Thesaurus of the Russian Language, in 4 vols, Moscow, 1998, 3600 p. (In Russian)
- Demeshkina T. A., Tolstova M. A. Representation of the Concept “Wood”. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* = Bulletin of Tomsk State University. Philology, 2020, no. 65. <https://cyberleninka.ru/article/n/reprezentatsiya-konsepta-les-na-materiale-dialektnoy-rechi>
- Demjankov V. Z. Cognitive Linguistics as Part of Interpretational Approach. *Voprosy jazykoznanija* = Issues of Linguistics, 1994, no. 4, p. 17–33. (In Russian)
- Dubinets Z. A., Pavluk T. P. Peculiarities of Verbalization of the Concept “Fire” in the Artistic Discourse of the First Third of the XXth century. *Filologija i chelovek* = Philology & Human, 2024, no. 4. [https://doi.org/10.14258/filichel\(2024\) 4-05](https://doi.org/10.14258/filichel(2024) 4-05)
- Lakoff Dzh., Dzhonson M. Metaphors We Live by, Moscow, 2004, 256 p. (In Russian)
- Morozov I. V. Basics of Culturology. Archetypes of Culture, Minsk, 2001, 607 p. (In Russian)
- Muryasov R. Z., Bakiev A. G. Metaphorical Interpretation of the Concept of the Archetype “Darkness” in the Artistic Discourse of T. Pratchett. *Filologija i chelovek* = Philology & Human, 2024, no. 4. [https://doi.org/10.14258/filichel\(2024\)4-12](https://doi.org/10.14258/filichel(2024)4-12) (In Russian)
- Plotnikov I. V. Comparative Analysis of Cognitive Metaphors in Translation of the Russian Poems of J. Brodsky into the Russian Language. *Aktual'nye problemy germanistiki, romanistiki i rusistiki* = Pressing Issues of German, Roman and Russian Studies, Ekaterinburg, 2016, no. 3, p. 160–167. (In Russian)
- Sirotkina T. A. Man in the Language and Culture (Results of the 1<sup>st</sup> International conference “Language of the Culture and Culture of the Language”). *Filologija i chelovek* = Philology & Human, 2023, no. 2. [https://doi.org/10.14258/filichel\(2023\) 2-15](https://doi.org/10.14258/filichel(2023) 2-15) (In Russian)
- Chudinov A. P. Metaphorical Mosaic in Contemporary Political Communication, Ekaterinburg, 2003, 248 p. (In Russian)
- Lakoff G., Johnson, M. Metaphors We Live by, Chicago, 1980, 128 p.

### List of Sources

- Volkovec V. The Only One, Sovetskij, 2005, 133 p. (In Russian)
- Volkovec V. A Spring Day of Autumn, Tjumen', 2008, 328 p. (In Russian)
- Volkovec V. The Rever of Mine, Memory transit ..., Sovetskij, 2012. 129 p. (In Russian)